

ЭШЛИ УИВЕР

чай, кофе
и убийства

ЭШЛИ УИВЕР

**СМЕРТЬ
ПАРФЮМЕРА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
У35

Серия «Чай, кофе и убийства»

Ashley Weaver
THE ESSENCE OF MALICE

Перевод с английского *С. Алукард*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В.А. Воронина

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency.

Уивер, Эшли.

У35   Смерть парфюмера : [роман] / Эшли Уивер ;
[перевод с английского С. Алукард]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Чай, кофе и
убийства).

ISBN 978-5-17-109969-5

Новое увлекательное дело Эймори Эймс и ее верного
«доктора Ватсона» — мужа Майло.

Весенний Париж 1933 года — что может быть прекрас-
нее? Однако Эймори и Майло Эймс приводят в «город люб-
ви» вовсе не романтические обстоятельства. Все дело в том,
что прославленный парижский парфюмер Элиос Беланже
был убит прямо накануне выхода новых духов, которым
предстояло стать сенсацией сезона!..

Но кто расправился с Беланже? Кто-то из его многочи-
сленных конкурентов? Или из ретивых наследников, давно
мечтающих прибрать к рукам его парфюмерную империю?
Эймори и Майло должны найти убийцу, пока он не испа-
рился, подобно одному из тонких парижских ароматов...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109969-5

© Ashley Weaver, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Моей прекрасной племяннице Ларсон Роуз Ли.
Тетья любит тебя, Лолли!*

Глава 1

Озеро Комо, Италия
Апрель 1933 года

Если мой муж не погибнет при попытке совершить эту глупость, я и сама могу его прикончить.

На берегах озера Комо стоял чудесный весенний день, но мои мысли занимала не погода и не дивные виды на озеро, окруженное синеватыми, покрытыми туманом горами, что лежали передо мной. Я стояла на балконе виллы, прикрыв рукой глаза от солнца, и смотрела, как гидроплан нырял вверх-вниз и скользил высоко над блестящей водной гладью. За его штурвалом сидел мой муж Майло, и сказать, что я была недовольна, — значит выразиться очень мягко.

Утро началось без малейшего намека на надвигающуюся опасность. Майло проспал дольше обычного, и после завтрака я решила прогуляться вдоль берега. Вернувшись час спустя на виллу, я обнаружила наспех нацарапанную записку от Майло о том, что он собирается полетать на гидроплане. Мне пришлось дважды ее прочесть, чтобы убедиться: я не ошиблась. С учетом того, что он, насколько я знала, ни разу в жизни не сидел за штурвалом гидроплана — или вообще любого самолета, если уж на то пошло, — перспектива открывалась довольно тревожная.

Однако я не могла сказать, чтобы это меня сильно удивило. Еще вчера Майло жаловался, что для катания на водных лыжах слишком холодно, так что, похоже, он решил использовать другой, более рискованный способ покататься.

Смерть
парфюмера

Более того, я совершенно точно знала, кто в ответе за то, что приобщил его к новому опасному времяпрепровождению. Это Андре Дюво, наш сосед. Его вилла находилась рядом с нашей, и в моем муже он нашел единомышленника в том, что касалось гонок, азартных игр и, очевидно, риска для жизни. Неудивительно, что они быстро подружились.

Самолет резко устремился к воде, и моя душа ушла в пятки. Я машинально вцепилась в край каменного вазона, стоявшего на небольшом возвышении у перил. Когда казалось, что аэроплан неминуемо рухнет в воду, он задрал нос и снова взмыл ввысь. Внезапно у меня появилось отчетливое ощущение, что Майло знает о том, что я на балконе, и нарочно меня пугает.

Я наблюдала за тем, как самолет карабкался все выше и выше, пока больше не смогла смотреть на это, развернулась и вошла в комнату. Если уж Майло решил убить себя, я не собиралась любоваться тем, как он это делает.

Примерно через час я услышала приближение чьих-то шагов к двери гостиной, где я изучала французский журнал мод и надеялась, что мне не придется летом носить траур.

В комнату вошел мой муж в сопровождении Андре Дюво. Оба были одеты в рубашки с короткими рукавами и заправленные в сапоги брюки, что, как я полагала, должно составлять экипировку авиаторов.

За несколько недель, проведенных нами под средиземноморским солнцем, Майло загорел. Темный цвет лица подчеркнул черноту его волос и сделал его голубые глаза еще ярче. Однако я была не в том настроении, чтобы восхищаться тем, как он был хорош этим утром с взъерошенными ветром волосами. Я сделала все, чтобы никак не выдать своего облегчения от того, что он благополучно вернулся домой.

— Значит, ты вернулся живым? — спросила я, откладывая журнал.

— Вижу, ты нашла мою записку, — с улыбкой ответил Майло. Он подошел и наклонился, чтобы чмокнуть меня в щеку, затем устроился на стоявшем напротив стуле. Его явно не ввело в заблуждение мое напускное равнодушие. — Не надо было волноваться, дорогая. Ты же знаешь, что никто не возвращает меня на землю так, как ты.

Я воздержалась от язвительной ремарки и повернулась к нашему гостю, перестав делать вид, что все в порядке.

— Мне следовало бы очень на вас разозлиться, мсье Дюво.

Он улыбнулся.

— Позвольте мне извиниться, миссис Эймс. Я был бы глубоко потрясен, оказавшись у вас в немилости.

Несмотря на свои французские имя и фамилию, он говорил почти без акцента, проведя, по его словам, большую часть детства в Англии. В настоящее время он проживал в Париже, помимо других мест, но озеро Комо было его любимым пристанищем. Он владел здесь большой виллой вместе с несколькими аэропланами, на которых часто летал.

— В любом случае я не могу возложить вину всецело на вас, — сказала я мсье Дюво, когда тот садился. — Майло всегда поступает так, как ему заблагорассудится.

Учитывая то, как Майло любил рискованную жизнь, я полагала, что мне повезло в том, что до этого он не летал. К счастью, мы не собирались долго оставаться на Комо. Мы сняли виллу всего на полмесяца и намеревались в течение недели вернуться в Лондон. Проведя прошлый месяц на Капри, мы начали планировать возвращение домой, когда Майло вдруг решил, что не будет лишним посетить озеро Комо. Конечно, я хотела подольше побыть

в Италии — мы прекрасно проводили время, чему благоволило знакомство с мсье Дюво.

— Значит, я прощен? — с нажимом спросил мсье Дюво, весело сверкая глазами.

— Да, — смилостивилась я. — Полагаю, да.

Он снова сверкнул ослепительной улыбкой, и я подумала о том, как трудно долго сердиться на мсье Дюво. Как и мой муж, он обладал чрезвычайно привлекательной внешностью и невероятным обаянием — перед сочетанием этих качеств было очень трудно устоять. Волосы у него всегда находились в некотором беспорядке вне зависимости от того, летал он на самолете или нет. За короткое время нашего знакомства я неоднократно видела, как женщины краснели под удвоенным натиском его теплых темных глаз и шаловливой улыбки.

— Это мне нужно искать прощения, — обратился к нему Майло. — Моя жена не одобряет эти аэропланы.

— Я в полной мере ценю преимущество аэропланов, — возразила я. — Мне не нравится то, что мой муж находится на высоте трехсот метров над землей.

— Уверю вас, миссис Эймс, у вашего мужа задатки прекрасного пилота. Еще несколько вылетов, и мы, возможно, пройдем квалификацию на соревнования на кубок Шнейдера.

Я вовсе не была уверена в том, что Майло может пристраститься к полетам, не говоря уже об участии в состязаниях гидропланов. Будь это так, я бы точно нашла что сказать, но теперь не время для подобных дискуссий.

— Вы останетесь пообедать, мсье Дюво? — спросила я.

— Предложение заманчивое, но, боюсь, у меня нет времени. Утром я возвращаюсь в Париж, и до отъезда у меня очень много важных дел.

— О, я не знала, что вы так скоро уедете, — сказала я.

— Я и не собирался, однако появились... некоторые обстоятельства, требующие моего внимания.

«Женщина», — сразу подумала я. Та осторожная манера, с которой он говорил о неотложном деле, навела меня на подозрения о том, что здесь замешаны дела сердечные. Я полагала, что дама оценила бы его полет к ней. Довольно романтичный жест.

— Очень жаль, что вам необходимо уехать, — произнесла я. — Желаю вам счастливого пути.

— Благодарю вас. Было чрезвычайно приятно с вами познакомиться. У меня такое чувство, что я покидаю старых друзей. Кстати, я приготовил вам на прощание подарок.

Я не замечала небольшую коробочку у него в руке, пока он не протянул ее мне.

Я взяла ее, открыла и увидела небольшой стеклянный пузырек на подушечке из бархата. Я достала его из коробочки и рассмотрела. Стеклянные грани сверкали и переливались в свете, струившемся из больших окон у меня за спиной.

— Какая прелесть, — сказала я, вытащила пробку, и меня окутал насыщенный цветочный аромат.

— Это совершенно новый аромат, — заметил мсье Дюво. — Вы станете одной из первых женщин, кто им воспользуется.

— Очень мило с вашей стороны, — произнесла я, обмакнув пробку в пузырек и похлопав ею по запястью. Запах был прелестный, успокаивающе знакомый и в то же время экзотичный.

— Я заметил, что вы любите аромат гардений, — продолжил он. — И решил, что мой подарок может вам понравиться. Духи называются «Шзади». Они цветочные, но в них есть теплые, чувственные ноты, которые вам так подходят.

— Благодарю вас. Я с огромным удовольствием буду ими пользоваться.

Андре улыбнулся:

— Весьма надеюсь. А теперь я должен откланяться. Был очень рад с вами познакомиться. Возможно, мы как-нибудь увидимся в Лондоне?

— С превеликим удовольствием, — завершила я.

— Может, в следующий раз летаем на истребителе, а, Эймс? — спросил мсье Дюво, подмигнув мне, и удалился.

Убедившись в том, что он ушел, я повернулась к мужу:

— Я знаю, что бесполезно просить тебя не совершать таких безрассудных поступков, но ты мог бы по крайней мере лично сказать мне последнее прости, прежде чем сделать меня вдовой.

Майло, как я и предполагала, отмахнулся от моего беспокойства:

— Ты слишком сильно переживаешь, моя прелесть. Гидропланы совершенно безопасны. Полеты на них не очень-то отличаются от вождения автомобилей.

Я не собиралась с ним спорить. За несколько лет я научилась контролировать себя. И могла лишь надеяться, что с отъездом Андре Дюво Майло потеряет доступ к этому источнику неприятностей.

— Если оставить гидропланы, то очень жаль, что мсье Дюво пришлось уехать, — заметила я. — Он очень мил.

Я помахала запястьем у лица и снова вдохнула аромат духов. В нем присутствовало нечто опьяняющее.

— В известной мере, — заговорил Майло, вставая со стула, — когда человек замечает, какой аромат нравится чужой жене, и дарит ей духи с «чувственными нотами», то это, возможно, самое время для прекращения дружбы с ним.

Я рассмеялась.

— Разве странно помнить о том, что мне нравится запах гардений? Мне показалось, любезно с его стороны подарить мне духи.

— Не так уж и любезно, как ты думаешь. У него какие-то финансовые интересы в парфюмерном деле. Ему, наверное, дали целые ящики этого зелья, чтобы всучивать его доверчивым дамочкам.

— Сегодня утром ты просто неотразим, — сухо произнесла я.

Майло подошел ко мне, взял за руку и поднес ее к лицу.

— На тебе они пахнут просто дивно.

— И тебе кажется, что чувственные ноты мне подходят? — тихо спросила я.

— О, чрезвычайно.

Он притянул меня к себе и прижался ко мне губами, и меня снова охватило непривычное чувство полного умиротворения, которое в последнее время я часто испытывала. Я была отдохнувшей, расслабленной и очень счастливой. Всего лишь год назад я пребывала в уверенности, что мой брак вот-вот рухнет. Теперь же мне казалось, что лучше и быть не может.

Тут Майло внезапно замер, немного отстранившись от меня.

— А когда принесли почту?

Я подняла на него глаза и заметила, что его взгляд устремлен за мое плечо. Очевидно, этот неожиданный поворот в его поведении произошел, когда он взглянул на небольшой столик за моей спиной, где стопкой лежала утренняя почта.

— Не так давно, — ответила я. — Ее принесла Винельда. Я еще не просматривала.

Майло выпустил меня из объятий, протянул руку и взял письмо. Было всегда ужасно трудно распознать его настроение, но я чувствовала, как оно переменялось, когда он принялся рассматривать конверт.

— В чем дело? — спросила я.

Он слегка замешкался, и, хотя выражение его лица не изменилось, меня охватила тревога.

— Кое о чем я тебе не рассказал, — признался муж.

Мне представился целый веер вероятного развития событий. С учетом довольно бурного прошлого моего мужа, можно было вообразить самые разные неприятности. Оставалось ждать, что он скажет дальше.

— У меня был скрытый мотив для того, чтобы захватить на озеро Комо, — продолжил он, даже не пытаясь меня успокоить.

— Вот как?

— Он связан с мадам Нанетт.

Я постаралась не выдать своего несказанного облегчения. Мадам Нанетт была няней Майло, женщиной, которая его вырастила. В чем бы ни состояла тайна Майло, она не могла быть такой страшной, как я опасалась.

— И что с ней?

— Когда мы были на Капри, я получил от нее письмо, которое переслали из Ладлоу. Она нашла место в Париже и со всей семьей собиралась на Комо. Из светской хроники она узнала, что мы в Италии, и поинтересовалась, не могли бы мы ее навестить.

Пока мы были за границей, Майло получил несколько писем, пересланных нашим поверенным, так что это не привлекло моего внимания. Но странно — что он предпочел не делиться со мной этим известием, пока мы находились на Капри. Это приглашение ведь не было какой-то неприятностью — совсем наоборот.

— Какая прелесть, — сказала я. — Я бы с радостью с ней увиделась.

Майло подошел к стоявшему в углу столику, взял нож для бумаги, вскрыл конверт и вытащил письмо. Быстро пробежал глазами текст, его лицо при этом оставалось бесстрастным.

Наконец он поднял глаза.

— Она собирается остаться в Париже. И просит нас туда приехать.

— У нее что-то со здоровьем? — спросила я взволнованно. Просить приехать — очень не похоже на мадам Нанетт. Хотя они с Майло прекрасно друг к другу относились, тесной связи они не поддерживали. Я встречалась с ней всего два раза: на нашей свадьбе и когда мы на Рождество оказались в Париже проездом.

— Она не пишет. Письмо очень короткое.

— Можно мне прочесть?

Майло молча протянул его мне. Я взглянула на лист. Это была плотная, высокого качества почтовая бумага с тисненым гербом — геральдическим знаком дома, где, видимо, мадам Нанетт работала.

Почерк у нее был исключительно красивый и идеально ровный.

Мой дорогой Майло!

Я все-таки не могу уехать из Парижа. Было бы просто чудесно, если бы ты со своей премилой супругой мог найти время приехать и навестить меня.

С любовью,

мадам Нанетт.

В приписке она указала свой номер телефона и попросила позвонить, как только мы приедем.

— Не очень-то много, — заметила я.

— Да, немного, — согласился Майло.

Краткость, с которой было написано письмо, отчего-то меня тревожила, хотя я и не знала, почему.

— Не возражаешь, если мы отправимся в Париж? — спросил муж.

— Конечно, нет. По-моему, нам нужно выехать как можно скорее. И лучше прямо сейчас начать собирать вещи, — ответила я, мысленно принимаясь делать необходимые приготовления. — Завтра можем сесть на поезд.

Смерть
парфюмера

Майло вдруг улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых мне становилось не по себе.

— Дорогая, а как ты насчет того, чтобы полететь в Париж?

Глава 2

Мы выехали из Милана ночным поездом.

— Сейчас уже были бы в Париже, — пробормотал Майло, когда мы после ужина готовились лечь спать в нашем отдельном купе, за окнами которого пролетали темные пейзажи.

— Но поезда более романтичны, — заметила я.

— Возможно, если бы была кровать, способная вместить нас обоих, — возразил он, взглянув через дверь небольшого холла на узкие кровати в соседней спальне.

Присаживаясь на банкетку, я пропустила его недовольные замечания мимо ушей. Самолетом, возможно, и быстрее, но я предпочитала путешествовать, стоя обеими ногами на твердой поверхности.

К тому же мне нравились поезда. В теплом желтом свете ламп тускло мерцают полированные деревянные панели, вагон тихонько покачивается, колеса ритмично стучат по рельсам. Все это успокаивает, и меня охватывает умиротворенная дремота.

Я взглянула на Майло, в котором не было ни умиротворения, ни дремоты. Сегодня вечером из него была неумемная энергия, и я знала, что ему не очень-то нравилось сидеть в тесном купе. Однако он отказался от моего предложения выпить, когда мы закончили с кофе после ужина.

— Присядь, — пригласила я, похлопав ладонью по соседней банкетке. Он завязал пояс на халате и присоединился ко мне. Достав из кармана серебряный портсигар и зажигалку, он закурил и со вздохом откинулся на спинку сиденья.

На мгновение я взгляделась в гладкие очертания его профиля, прежде чем спросила:

— Ты ведь не сердишься, что мы не отправились в Париж самолетом?

Он посмотрел на меня.

— Нет, дорогая, — ответил он, протягивая руку, чтобы сжать мою ладонь. — Дюво наверняка полетел бы на истребителе «Хитрый лис», а там всего два места.

— Ты мог бы полететь и без меня.

— Я не столь дорожу обществом Дюво, чтобы предпочесть его тебе.

— Но тебе бы очень понравилось полететь на аэроплане.

— Я бы отдал все аэропланы мира за тесное купе с тобой, — произнес Майло, поднося мою руку к губам и целуя ее.

Я улыбнулась, но ощутила нарастающую тревогу. Обычно Майло всегда говорил правильные вещи. Но когда он проявлял такую нежность, это вызывало подозрение. Это чувство не отпускало меня с той минуты, как я прочла письмо мадам Нанетт. В нашей поездке в Париж таилось нечто большее, чем лежало на поверхности.

Я повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Майло, я хотела тебя кое о чем спросить.

— Да? — отозвался он, беря французскую газету, разворачивая ее и пробегая глазами заголовки. — И о чем же?

— Почему ты не сказал мне на Капри, что тебе писала мадам Нанетт?

Он пожал плечами:

— Да не было особых причин.

— Но ты мог хотя бы обмолвиться, что это стало причиной приезда на Комо, — не унималась я.

На секунду Майло замялся, и у меня создалось впечатление, что он колеблется, соврать или нет.